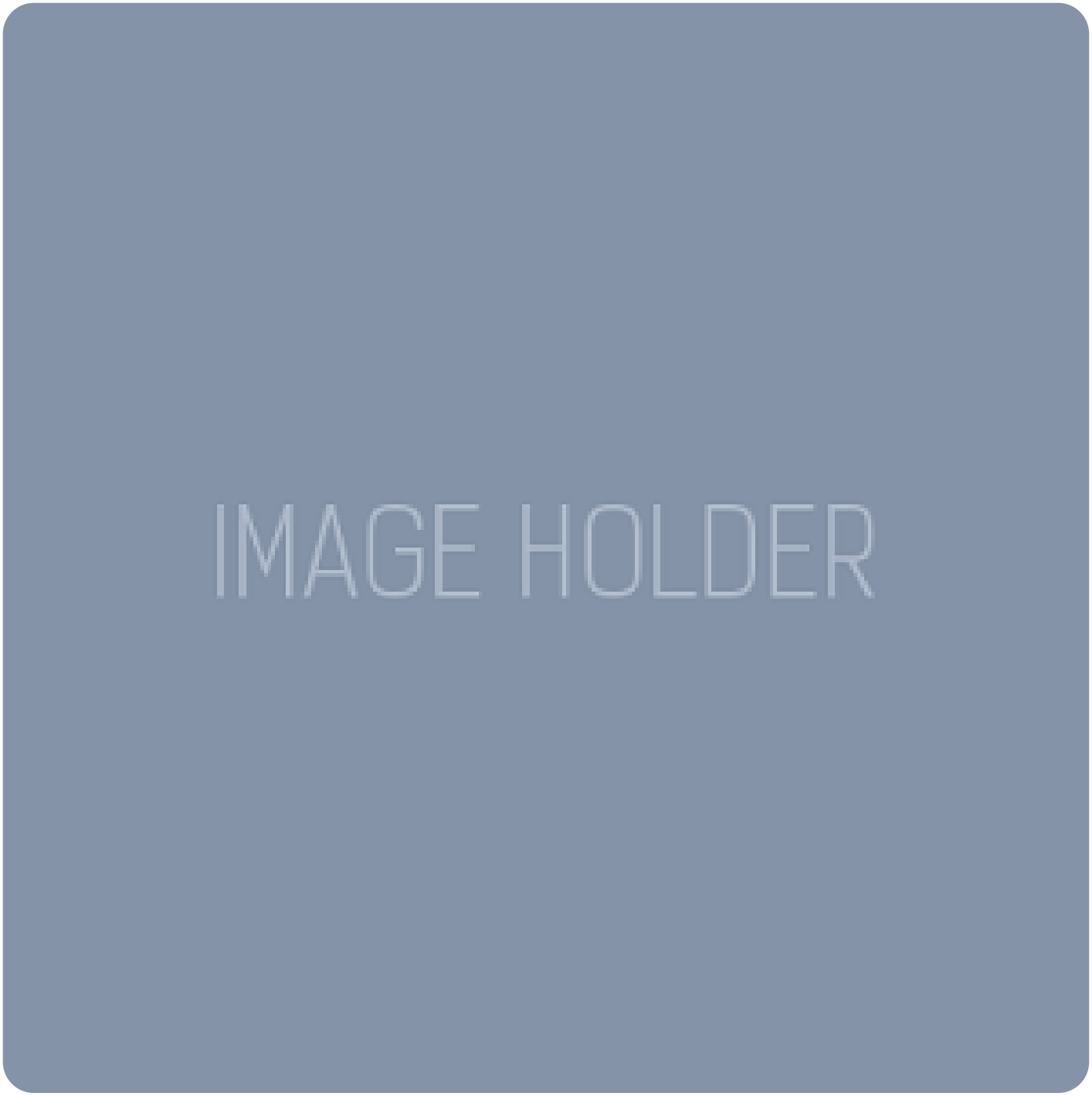


Ваш выход, Дан Путятич

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

— Ваш выход, Дан Путятич! — прозвучал низкий и густой голос, заставивший забыть о шуме, царившем в зале Дома культуры.

Даниил Путятич малость растерялся. Его худенькие морщинистые пальцы мёртвой хваткой вцепились в пуговицу пиджака, без конца дергая её из стороны

в сторону, то расстёгивая, то застёгивая. Сражаясь с подступившим к горлу страхом и прилипшим к нёбу языком, он выдавил из себя лишь тихое:

— Э-э… я?

— Да-да, именно вы, Даниил Путятич. Смелее, вас заждались! — с теплой улыбкой поторопили его, направляя к микрофонной стойке.

Дан Путятич, шестидесятипятилетний мужчина высокого роста, с благородной осанкой профессора и прокуренными до желтизны густыми усами (которые, впрочем, из-за этой желтизны вовсе не внушали доверия), сдержанно кивал.

Всю свою жизнь он курил махорку, крепкую, дешёвую, въевшуюся в усы, пальцы и одежду. К алкоголю не притрагивался; уж больно горький опыт родительского дома в далеком детстве навсегда отбил у него охоту даже смотреть на хмельное. Жил он уединённо, в лесу, на самом краю поселка, в удивительном доме, который его отец срубил собственными руками. Каждое бревно легло на своё место без единого железного гвоздя, по старинным русским образцам, которые менять строго запрещалось. Его ныне усопший отец был плотником. Дан с детства учился у него и унаследовал лучшее — его мастерство. Счастья он лишился рано: когда болезнь забрала жену, много лет назад, мир для Дана сузился до размеров деревянной мастерской, и он полностью, с головой ушёл в ремесло столяра. Никто в округе толком-то и не знал, чем он занимается за глухими ставнями своего лесного терема. А он всё вырезал и мастерил. От тончайших кружевных узоров и забавных фигурок до строгих ликов святых на досках и крошечных миниатюр. Семь долгих лет Дан работал над тайным проектом. В строжайшем секрете (боясь осуждения) он вырезал из дерева весь родной город — каждый переулок, купеческий особняк, колокольню и деревянный мостик (то, чего давно не существует), воссоздавая улицы своего детства с необычайной точностью. И вот теперь этот колоссальный труд, наконец-таки оценённый по достоинству, принес ему признание, о котором он даже не помышлял.

Церемония подошла к концу.

Дан Путятич вернулся домой. В привычной тишине мастерской он тяжело опустился на старый стул за рабочим столом, откинулся назад на спинку и, под шум тишины и усталости, замертво уснул.

Или, по крайней мере, так ему сладко казалось.

В один неожиданный момент, когда награждали какого-то третьесортного депутата-патриота за неведомо какие заслуги (чёрт знает какие), Дан Путятич

проходил мимо кулис и что-то бубнил себе под нос:

«Чего-о? Ха-ха-ха. Поглядите-ка, какой важный и всеми уважаемый поганец».

Вдруг, сверху сорвался со старого крепления тяжёлый театральный прожектор. Он рухнул вниз, с размаху врезавшись точно в макушку Дана Путятича, — да так, что мало не показалось, а показалось всё совсем по-другому.

Именно тогда, в неуловимое мгновение между сильным ударом и провалом в спасительное беспамятство, его оглушённое сознание успело прокрутить этот масштабный, упоительный и прекрасный фильм-галлюцинацию. Всё это оказалось сплошным обманом разума. Подсознание просто попыталось за одно мгновение переписать его жизнь. Подарить то, о чём он боялся мечтать: победу над страхом сцены и искреннее признание толпы. Выдуманный триумф, седые, прокуренные, желтые усы и слава пролетели. Дан не был стариком. Он был обычным молодым человеком — всего лишь осветителем в том самом Доме культуры, отвечающим за свет и прочие технические эффекты.

Когда Дан открыл глаза, перед ним чуть ли не склонился весь зал. Вместо пуговицы пиджака, которую он в бреду пытался застегнуть дрожащими пальцами, перед его затуманенным взором плыла морщинистая рука старого коллеги. Дану казалось, что он теребит эту пуговицу, хотя на самом-то деле он судорожно, в бреду, цеплялся за рукав напарника, когда тот пытался привести его в чувство, хлопая по щекам.

Осознание того, что вся его «великая жизнь» и «главное достижение» — не более чем видение, ударило больнее рухнувшего прожектора. Охваченный животным ужасом, он оттолкнул потянувшиеся к нему руки и сломя голову бросился к выходу. Тяжелая железная дверь со скрипом поддалась, не став задерживать беглеца. Шаги его сапог громко разносились по ступенькам, стремительно затихая вдали, и с тех самых пор его больше никто и никогда не видел, будто его здесь никогда и не было.